

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-9

УДК 18

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИГРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.М. РЕМИЗОВА

Казенина А.А.

В творчестве признанного классика русского литературного авангарда А.М. Ремизова игра находит яркое и многогранное проявление. Соединение игровой стихии с творческим методом писателя отражается в созданных им совершенно новых, оригинальных художественных формах, воплощается в его собственном стиле. Игра является для Ремизова не только основой его творчества, но и средством самовыражения, способом ухода от обыденности и повседневности, пространством, в рамках которого реализуется его потребность к существованию в ином, вымышленном мире, где все построено по «законам его игры». Расширительное понимание игры, крайний субъективизм, имеющий выраженные космологические устремления, напряженная работа со словом, ассоциативные связи с реальностью и сном сближают Ремизова с представителями русского литературного символизма. В то же время специфика его творческого метода позволяет рассматривать его творчество как прообраз современного искусства.

Ключевые слова: игра, свобода, метод, миф, воображение, реальность, творчество, культура.

GAME IN CREATIVE WORK OF A. REMIZOV

Kazenina A.A.

Well-known classic of Russian vanguard A. Remizov used game as very important literary technique. Combination of game randomness and creative method of the writer is reflected in creation by him of quite new distinct artistic forms, is embodied in his own style. Game is not only the base of his creative work but the mean of self-expression, a way to escape from the routine of habitual life, a space within which his need to live in a new invented world is implemented; in this world everything is built in accordance with the rules of “his game”. Extended understanding of a game, deep subjectivity manifested in distinct cosmological aspirations, intensive work with word, associations with reality and a dream put Remizov close to representatives of Russian literary Symbolism. In the same time specific character of his creative work allows to consider his creativity as a prototype of modern art.

Keywords: play, freedom, style, myth, imagination, reality, art, culture.

Рассматривая специфику творчества признанного классика русского авангарда А.М. Ремизова, можно говорить о том, что в нем обнаруживается пересечение многообразных влияний и идей, определивших особенности всей культуры Серебряного века. Среди них особое место занимают представления о творчестве как проявлении совершенной божественной игры и тот отказ от реализма, который считается началом и главным признаком авангарда. Наряду с ними атмосферу начала XX в. наполняли религиозно-мистическое понимание искусства, интерес к теософии и сектантству, предчувствие неизбежной катастрофы, обращение к язычеству и фольклору. На фоне всего идейного разнообразия самым главным провозглашалось непременно созидание нового, основой которого является творческая субъективность и получившая

космический статус индивидуальность. В своих произведениях Ремизов стремится дойти до метафизической глубины человеческой души, найти выход из отчаяния человеческого существования, надеясь, что его голос сможет что-то изменить в жизни. В этой связи в книге «Постриженными глазами» он пишет: «И один открылся мне путь – Мой голос, как кремлевский яsak, прозвучит через колокольную черноту не «Господи помилуй», а своей волей и своим словом – за весь мир - «за всех помощи требующих»» [4, С. 201].

В основу творческого метода писателя положена игра, понимаемая им, прежде всего, как «свобода воображения», «чудесное» и «невозможное», не столько противостоящее реальности, сколько обнаруживающее ее скрытый метафизический («роковой») смысл. В этой связи справедливым представляется вывод одного из зарубежных исследователей, согласно которому русский авангард отличается от западного архаизмом, алогизмом, метафизичностью и игрово-театральным началом.

В создании своего особого «лада», в работе над словом, которая предполагала не церковнославянскую основу (для него был неприемлем «искусственно-русский» язык Мельников-Печерского), а «природный русский язык», Ремизов опирался на ту линию, которую, по его мнению, продолжал Лесков. Подобно ему, писатель использует не только старинные русские легенды и духовные стихи. Очень часто источником его вдохновения становились апокрифы, или так называемые «отреченные» источники.

Память, понимаемая Ремизовым как игра воображения, органично включала в его творчество русскую архаику. Фольклорные мотивы, любовь к старине, работа с «прасловом», его преобразование творческой фантазией составляли основу его творческого метода. В этой связи А. Тыркова – Вильямс, характеризуя творчество А. М. Ремизова, замечает: «Он плавал, нырял в народных сказках, добывая со дна то забытое словечко, которым любил ошарашивать читателя. В разговоре он таких местных слов не употребляет, но

и затасканных иностранных выражений, которые уродуют письменный и устный язык городской интеллигенции, от него не услышишь» [1, С. 337].

Исследователи справедливо подчеркивают роль древнерусской литературы в творчестве писателя. Игра как способ соединения видимого и невидимого, как сфера чудесного и необязательного, бесцельного («просто так»), проявляет все свои творческие возможности на основе блестящего знания Ремизовым не только средневековой («допетровской») русской литературы, но и живого народного творчества, истоки которого он стремился постичь всю свою жизнь. Стремясь проникнуть в «тайну и судьбу» русского народа, он привлекал внимание к светлым и темным сторонам его души, имеющим «коренные отметины, появление которых затеряно в непроглядных временных толщах, но чье воздействие ощутимо и в наше время» [3, С. 29].

Прямо связан с песнями, сказками, играми, обрядами и заклинаниями домонгольской Руси уже упоминаемый посвященный «волшебной России» сборник сказок «Посолонь», который был любимым произведением самого писателя. По свидетельству Н.В. Резниковой, «среди всего им написанного А.М. выделял и любил именно эту книгу, отводя ей особенное место». «Я не романист, - говорил он, - я песельник, и «Посолонь» - это моя книга». Очевидно, ее лирическая форма выражала внутренний песенный склад Ремизова» [4, С. 56]. «Посолонь звучит русским ладом», как замечает сам писатель. Глубоко оригинальная по содержанию и стилю, она пробуждает к жизни сказки, песни, игры и заклинания русского фольклора еще языческой Руси. Часть рассказов, вошедших в эту книгу, имеют мрачный характер, отражающий безысходность и обреченность судьбы и потусторонней жизни.

Собранием вольных переложений языческих и христианских легенд, сказаний и духовных стихов является вышедший в 1907 г. «Лимонарь». Что касается метода работы с древними текстами, то чрезвычайно важным представляется то, что Ремизов «явно нигде не нейтрализует речевую архаику, не «правит» древние книги, не сводит почти экзотическую для русского

читателя начала века лексику и синтаксис к привычным для уха беллетристическим нормам [3, С. 26]. Архаика преобразуется и изменяется писателем по законам «русского лада», который и составлял его главный творческий принцип. Это очевидно в работе Ремизова над словом. Это игра - преобразование, в результате которой получалось новое слово или выражение, но духовными корнями связанное с архетипом национального сознания и поэтому понятное.

Стремление к раскрытию архетипов национального сознания обусловило интерес Ремизова к затаенным, глубинным его пластам. Согласно выводу М.В. Козьменко, мир «Лимонаря» далек от традиционных представлений о патриархальном русском сознании, основанном на единой вере и освященном ровным светом благодати, далек от тех идеалов, которые вдохновляли славянофилов, толстовцев и народников [3, С. 28]. В этом мире равно противостоят друг другу и борются начала - добра и зла, света и тьмы. При этом следует подчеркнуть, что если отражение той же темы в русских духовных стихах носит более философский, выраженный в устоявшихся темах и образах характер (герои-змееборцы, «прекрасная пустыня» и др.), то у Ремизова очевидно стремление к «ощутимому» изображению «нечистой силы». Это «вечная плясовица» Иродиада, взятый из учения богомилов Сатаниил, поработивший Адама и его потомков, Иуда, захвативший райские кущи, всевластная «Вещица» («крыло Сатаниилово»).

Собственная «философия зла» Ремизова проявилась в его драмах «Бесовское действо», «Царь Максимилиан», трагедии «О Иуде, принце Искаротском». Метод создания драм составлял единое с обработкой в «русском ладе» различных жанров народного творчества. Отталкиваясь от оригинала, но, не сохраняя его целиком, он передавал его метафизический смысл, «дух первоисточника». В работу с первоисточниками («Я написал по народным текстам «Царя Максимилиана»») [2, С. 178]. входило тщательное редактирование текста, его художественная отделка, работа с «прасловом», его

психологическое «продумывание» с учетом восприятия его современным читателем (в чем можно усмотреть основу для игры с читателем и зрителем в постмодернизме).

Отвечая на закономерно возникающий вопрос о мотивах и причинах стремления Ремизова к запредельному миру, который открывается в мифах, снах и легендах, архетипах народного сознания, можно утверждать, что одной из таких причин являлось его желание приблизиться к решению проблемы сущности человеческого бытия (при этом писатель, как отмечают некоторые авторы, не делал различия между интеллигентом и так называемым «человеком из народа»). Его занимала фатальность человеческой судьбы, роковая зависимость, которую особенно остро человек чувствует в игре, дающей непосредственное ощущение действия загадочных таинственных сил.

Следует отметить также, что тема игры, ее связи с роком для русского искусства не нова. Она, как хорошо известно, получила свое классическое воплощение в творчестве Пушкина («Пиковая дама») и Достоевского («Игрок»). Ремизов по-своему развивает эту тему, раскрывая «игры» с фатумом как всего человечества, так и отдельного человека. Его занимает тема юродства, без которой, по его мнению, невозможна русская святость. Ведь именно под маской игрового, «асоциального» поведения часто скрывается трагический характер истины.

Рассмотрение писателем легенд и мифов в качестве «снов человечества» объясняет включение им в свое творчество «сновидческой реальности», пристальное внимание к собственным сновидениям и их образной стихии. В книге «Мартын Задека. Сонник» он замечает: «После необходимых пробуждений в день, я в «жизни» только брожу – полусонный: в памяти всегда клочки сна – бахрома на моей дневной одежде». По убеждению Ремизова, именно в снах-преданиях сохраняется память прошлого, живая жизнь, которую не могут передать сухие исторические факты и рациональное знание. Ремизов использовал описание снов как форму игрового взаимодействия с

окружающими, что является принципиально новой формой освоения реальной жизни. Игра воображения вытесняет индивидуальное «подсознание», формируя «удивительный фантастический универсум». Это пространство становилось неким объединяющим началом, с помощью которого разрешалась проблема отчуждения индивидуального «подпольного» сознания путем его объективизации в элементах игры, т.е., пользуясь философской терминологией, происходило его «приобщение» к целому.

Таким образом, в «мифопоэтическом» творчестве А.М. Ремизова игровое начало нашло наиболее полное воплощение и представляло собой не только основу его творчества, но и способ восприятия реальной жизни. Использование Ремизовым в своем творчестве «сновидческой реальности», памяти как «игры воображения», игры со словом и «прасловом», с темными и светлыми сторонами фольклора и мифологии отражает многоликость и всеобъемлющий характер игры как основы его жизни и творчества. Следует заметить, что творческий метод Ремизова представляет интерес для исследователей современного искусства, поскольку его специфика его творчества позволяет видеть в писателе предтечу искусства постмодернизма.

Список литературы

1. Воспоминания о серебряном веке / Сост. В. Крейд. М.: Республика, 1993.
2. Герасимов Ю.К. Театр Алексея Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1994. с.178-192.
3. Козьменко М.В. «Лимонарь» как опыт реконструкции русской народной веры // Ремизов А.М. Исследования и материалы. СПб.: ИРЛИ, 1994. с. 26-32.
4. Резникова Н.В. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 272 с.

References

1. *Vospominanija o serebrjanom veke* [Memories of the Silver Age]. Moscow: Republic, 1993.
2. Gerasimov Ju.K. *Aleksej Remizov. Issledovanija i materially* [Alexei Remizov. Research and Materials]. St. Petersburg.: Nauka, 1994. pp: 178-192.
3. Koz'menko M.V. *Remizov A.M. Issledovanija i materially* [Remizov AM Research and Materials]. St. Petersburg.: Russian Literature Institute (the Pushkin House), 1994. pp: 26-32.
4. Reznikova N.V. *Ognennaja pamjat'. Vospominanija ob Aleksee Remizove* [Fiery memory. Memories of Alexei Remizov]. St. Petersburg: Publ. House "Pushkin House", 2012. pp: 272.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Казенина Анна Анатольевна, методист научно-методического кабинета
Московская государственная академия делового администрирования
Корпус 1140, мкр. 11-й, г. Москва, Россия
E-mail: anna090970@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kazenina Anna Anatolevna, methodologist of scientific and methodical study
Moscow State Academy of Business Administration
Corpus 1140, md. 11th, Moscow, Russia
E-mail: anna090970@yandex.ru

Рецензент:

Меркулова Людмила Ивановна, кандидат филологических наук